

Данильченко Сергей Леонидович

**СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК СИНТЕЗ ФОРМАЦИОННОГО,
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО,
ИСТОРИОСОФСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДОВ**

Аннотация: в главе рассматривается концепция системного анализа общественного развития, которая выступает как объединительная платформа для различных методологических подходов. Цивилизационно-формационное развитие происходит в рамках исторически сложившегося геополитического пространства. Культура – это духовный базис, а geopolитика – это территориально-пространственный фундамент, формирующий этносы и питающий их своей ландшафтной энергией. Культурно-исторические традиции любого народа дополняются этнической историей, традициями, и соответствующими цивилизационными стереотипами поведения. В результате формируется реальная динамика цивилизационного процесса, опирающаяся на этническую, формационно-цивилизационную и geopolитическую динамику общественного развития.

Ключевые слова: теория суверенного национального развития, анализ общественного развития, методология как система научных принципов, военно-политическая доктрина, мировое господство, унификация мира, система цивилизационных ценностей.

Abstract: the chapter discusses the concept of a systematic analysis of social development, which acts as a unifying platform for various methodological approaches. The civilizational and formational development takes place within the framework of the historically formed geopolitical space. Culture is the spiritual basis, and geopolitics is the territorial and spatial foundation that forms ethnic groups and feeds them with its landscape energy. The cultural and historical traditions of any nation are complemented by ethnic history, traditions, and corresponding civilizational patterns of

behavior. As a result, a real dynamics of the civilizational process is being formed, based on the ethnic, formational, civilizational and geopolitical dynamics of social development.

Keywords: theory of sovereign national development, analysis of social development, methodology as a system of scientific principles, military and political doctrine, world domination, unification of the world, system of civilizational values.

Системный анализ динамики развития любого общества сквозь призму его формационной деформированной двухмерной структуры дает заведомо упрощенную и даже искаженную социальную картину. Он создает ложное представление о суверенности национального движения от морально-этических ценностей, хотя в действительности западное общество не только не свободно от этих ценностей, но и полностью зависит в своем цивилизационном движении от своих «этических и моральных» ценностей, имеющих чисто денежный характер.

Любая категория – это смысловой символ, это носитель смысла, т.е. сущностного содержания, наполненного смыслом. Однако далеко не секрет, что представители либерализма и традиционализма, западной и восточной культуры часто вкладывают разный смысл, т.е. разное сущностное содержание, в одни и те же научные категории. И это определяется господствующими в данной цивилизации фундаментальными ценностями духовного порядка.

В рыночной глобальной экономике все эти категории имеют чисто денежный смысл, отражая буржуазную точку зрения, частный буржуазный взгляд и подход к экономике и всей человеческой деятельности исключительно только с позиции владельцев частного капитала, а именно:

– эффективность – денежная эффективность, т.е. прибыльность, рентабельность или доходность капитала, но не для общества в целом, а только для владельцев частной собственности, для частного капитала;

– прогресс – это линейное движение вперед по пути преодоления культурно-исторических традиций, это процесс либеральной модернизации как процесс роста буржуазного денежного богатства;

– рынок – это сфера частного хозяйственного выбора, но в условиях современного западного общества рынок уже перестает быть чисто экономической категорией.

В основе западного общества лежит философия контракта, а «общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится рынок», – очень точно заметил недавно покинувший нас видный представитель отечественного гуманистического знания С.Г. Кара-Мурза [1, с. 338].

Рыночная экономика – это тип частного хозяйства, в основе которого лежит жесткий индивидуализм и производная от него конкурентная борьба на ресурсы, блага и территории. Человеческая деятельность в рамках рыночной экономики нацелена на производство денег и прибыли ради самой прибыли, ради накопления буржуазного богатства, основанного на превращении денег, рабочей силы человека, земли и природных ресурсов – в товар.

Экономика традиционного общества в принципе имеет нерыночный характер, так как общественное производство как основа суверенного национального развития полностью подчинено потребностям людей и общества в целом, а не пресловутой наживе. Арабские шейхи доходы от экспорта нефти не распихивают по своим «оффшорным» карманам, как это делали в постсоветской России почти все сырьевые олигархи. Они вкладывают эти деньги в развитие всего национального хозяйства, в фонды будущих поколений, в рост благосостояния народа.

На Востоке в целом до сих пор еще сохраняются основы традиционной структуры общества, в рамках которой сфера экономики считается служебной, а культура как совокупность морально-этических норм и традиций – господствует над обществом, образуя его фундамент. Главным субъектом восточной цивилизации является государство, а не частное лицо. Именно поэтому в результате экспансии западного капитализма на Восток практически во всех его странах на свет родился восточный капитализм, например, в Японии в конце XIX века, принципиально отличный от западного капитализма по всем сущностным цивилизационным параметрам.

Понятие эффективности здесь сохраняется, но меняется его содержание. Эффективность понимается, прежде всего, как социальная эффективность. Показатель денежной эффективности уже не является главным, используется в основном как оценочный. Другое содержание вкладывается и в понятия «рынок», «рыночная экономика». Так, в одном из докладов о южнокорейской экономике, подготовленном по заказу Всемирного банка, говорилось о том, что озадачивающим парадоксом является то, что корейская экономика в очень большой степени зависит от многочисленных предприятий, формально частных, но работающих под прямым и высокоцентрализованным правительственным руководством. Другой американский исследователь, на которого ссылается русский востоковед А.Н. Ланьков, пишет: «Корея представляет из себя командную экономику, в которой многие из действий отдельного бизнесмена предпринимаются под влиянием государства, если не по его прямому указанию» [2].

Страны мира делятся не только и не столько на формации – капитализм – социализм, сколько на цивилизации. Цивилизационный подход переводит анализ общественного развития из горизонтальной, линейной плоскости информационного развития в вертикальную плоскость. Он рассматривает три основные сферы общества как единый цивилизационный социальный организм, у которого есть свой «стиль души», «лицо» и «стиль культуры», имеющий религиозно-духовное, политическое и социально-экономическое содержание. Базисом общественного развития в данном случае выступает уже не экономика, а культура данной страны. Основоположники данного подхода Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби под цивилизацией понимали следующее: цивилизация – это культурно-исторический тип и соответствующий способ жизнедеятельности людей или, по выражению О. Шпенглера, «habitus сознательного бытия», который опирается на локальную культуру как совокупность морально-этических ценностей, нравственных законов и вековых традиций, имеющих религиозное основание [3].

Сегодня в мире насчитывается около 180 государств, объединенных в основные культурно-исторические группы локальных цивилизаций (геоцивилизаций) – западная, православно-славянская, русская, исламская, конфуцианско-буддистская, японская, китайская (конфуцианская), индуистская, латиноамериканская, африканская. В свою очередь, эти цивилизации по типу культуры делятся на две группы – западные либеральные цивилизации и восточные духовные цивилизации.

Западная модель открытого общества даже после мирового кризиса 2008–2011 годов продолжает агрессивно навязываться США всему миру как глобальный тип цивилизационного развития, универсальная общественная система. Современный кризис глобализма имеет системный характер, свидетельствуя о несостоятельности и полном крахе западного капитализма и западного типа цивилизационного общества в целом. К сожалению, и в нашей стране до сих пор существует немало ученых и политиков, часто выступающих с позиций рыночного фундаментализма, продолжающих настаивать на превращении нашей страны в часть Запада.

Либерализм рассматривает общество как открытую цивилизационную систему корпускулярного типа, где отношения людей в общественном производстве имеют чисто атомистический характер. В западном обществе, функционирующем как открытая система, нет жесткости, нет необходимого «социального деспотизма» (К.Н. Леонтьев), связывающего все его части воедино, а это неизбежно ведет к социальной анархии, упадку и деградации. Каждый человек здесь функционирует автономно, сам по себе, выбирая те ценности, которые ему нравятся.

В этом и заключается суть неолиберализма – максимально освободить индивида от якобы ненужных ему и стесняющих его различных социальных ограничений. Моральные устои общества, образующие основу социального порядка любого общества, превращаются при этом в тряпку, в предмет субъективного выбора, в то, что сегодня нужно, а завтра уже можно сменить или выбросить.

Известный американский ученый-политолог Френсис Фукуяма, исследуя эти проблемы, справедливо указывал на то, что «моральные ценности и общественные правила – не просто деспотические ограничения выбора, налагаемые на индивида, а скорее необходимые условия совместной деятельности любого типа». Только они способны удержать общество от развала и деградации [5, с. 24, 29, 213].

Либерализм является антитрадиционализмом. «Великий разрыв», о котором писал Фукуяма, является разрывом с великими традициями предков. Либеральный Запад возник на основе именно этого разрыва, начав строить свое «современное общество» практически с нуля, ниспровергая все предшествовавшие формы человеческой жизнедеятельности. Традиции и традиционализм, как приверженность национальным святыням и цивилизационным стереотипам бытия, либерализм подверг жесточайшей критике, указав на них как на «социальное зло», объявив их «вне закона», предав их анафеме.

Логика неолиберализма требует все большего ограничения социальной сферы, «отказа от старых социальных отношений, общественных образований и технологий в пользу новых, более эффективных», т.е. в пользу еще большей денежной эффективности. А это приводит к тому, что «ломка правил становится в некотором смысле единственным правилом» [5, с. 25–28]. Другими словами, единственным «социальным» правилом в декадентском и деградирующем либеральном обществе становится правило социальной анархии, направленное на уничтожение всех и всяческих правил вообще. Фукуяма не одинок в своей критике либерализма. Книга известного американского социолога Иммануэля Валлерстайна «После либерализма» является итогом многолетней работы автора над историей капиталистической миросистемы и одновременно политическим прогнозом, основанным на анализе глобальных экономических и политических процессов 1990-х годов. Вопреки идеологам либеральной глобализации, Валлерстайн убежден, что буржуазная миросистема находится в глубочайшем кризисе, на пороге перемен, которые могут привести к возникновению совершенно нового миропорядка [6].

В постсоветской России также активно насаждалась «культура крайнего индивидуализма», лишенного всяких этических ограничений. Общественной нормой становится т.н. «культурный релятивизм». Это чревато утратой всех норм, на которых строится социальный порядок, а значит движением либерального общества к моральной деградации, разложению и всеобщему упадку, о чем и писал Ф. Фукуяма, исследуя проблемы воспроизведения утраченного социального порядка [5, с. 24, 29, 213]. Автор констатировал: «В США в конце XX века слово культура стало ассоциироваться с идеей выбора... Культурный релятивизм – это мнение, что нормы культуры являются произвольными... Убежденность в относительности ценностей, которую сегодня усвоил каждый школьник, глубоко укоренена в американском обществе».

Культура в данном случае имеет прикладной, утилитарный характер, не связанный с историей страны. Современные теории постмодернизма активно оперируют социокультурными понятиями, отражая движение не реальной истории, а нагромождения разных фактов, реликвий и образов, которые можно трактовать произвольно, сочиняя из них «свою» историософию.

Восточная модель закрытого общества представляет собой восточный тип цивилизации, который может функционировать только как закрытая общественная система, являясь закрытым типом общественного развития. Общество приводится в движение традиционными принципами, основанными на иерархии власти, на её авторитете.

Традиционная методология рассматривает общество, укорененное в традициях, как единый социальный цивилизационный организм. Люди в этом организме – не «факторы производства», не бездушные «производственные ресурсы». Динамика общества здесь определяется, в первую очередь, социоэтнической и социокультурной динамикой. Суть ее в том, что не только сам человек приспосабливается в среде, вырабатывая адаптивные цивилизационные стереотипы поведения, но и среда служит человеку. Главное – люди всегда действуют

на основе своего исторического опыта, опираясь на силу этнических стереотипов, которые «выше» экономики, «сильнее» природы, климата и географии страны в целом.

«Можно ли, сделав усилие, сменить свою этническую принадлежность? Видимо, нет!», – замечал резонно и с юмором Л.Н. Гумилев [7, с. 77]. Традиционное общество – это закрытая система, основанная на культуре. И если эта закрытая система вдруг начинает «открываться» для внешнего мира, превращаясь в открытую, то она также погибает от проникновения в свой цивилизационный организм этноса чуждой ему культуры. Чужое мировоззрение, чужие идеи и стереотипы начинают разрушать этническую культуру изнутри, действуя как антисистема, как антитело, как социальная химера.

Следовательно, присоединение России к Западу возможно лишь в случае, если российское государство-цивилизация будет поглощено ангlosаксонским миром, а русская Православная Церковь будет, как это произошло в Византийской империи перед ее развалом, подчинена Католицизму, а затем и протестанству, подвергаясь преследованиям и постепенному разгрому. Очевидно, что, говоря об этом, мы всего лишь излагаем планы Запада, которым не суждено в России сбыться, так как этого не допустит сам Бог.

Базисной категорией цивилизационного анализа является культура, а само это понятие допускает трактовку в широком и в узком смысле. В широком смысле к культуре относятся все общепринятые и утвердившиеся в данном обществе проявления духовной жизни, а также созданная людьми система материальной жизни: традиции, обычаи, религия, мораль, искусство, право, наука, общественные нормы и институты, включая экономику и государство [8, с. 26]. В узком смысле границы культуры сводятся к духовному творчеству, т.е. к интеллектуальной деятельности, творениям искусства, нравственным нормам и ценностям. Познанная и осознанная реальность вначале фиксируется как новые знания, а знания, уже утвердившиеся в общественном сознании, воплощаются в формах жизнедеятельности людей.

Различаются культура сотворенная и культура, уже воплощенная в новой организации внешней среды, в формах политической и хозяйственной жизнедеятельности, образующих в совокупности понятие «цивилизация». «Цивилизация есть культура, реализованная в формах жизнедеятельности людей» [9, с. 15]. При этом сотворенная культура предстает как явление первичное, а цивилизация, т.е. культура, реализованная в формах социальной и экономической жизни, как явление вторичное, опосредованное, подчеркивал И.Д. Афанасенко.

Культура в методологии традиционализма рассматривается как базис, на котором выстраиваются все цивилизационные структуры. Известно, что в системе общественного труда «культура определяет ценностные ориентиры, нормы и правила поведения всех субъектов и тем самым выполняет скрытую функцию стабилизации и мотивации. В таком качестве она рассматривается как нематериальный ресурс экономического развития» [9, с. 14].

В рамках традиционного общества суверенное национальное развитие описывается не столько на силу юридического закона, сколько на силу морали и общественного мнения. Неформальное принуждение посредством морально-этических норм и традиций стоит на Востоке выше правовых норм, а традиционные законы нравственности выше юридических законов. Именно поэтому категории «мораль», «этика» и «нравственность» не стоят в данном случае вне сферы цивилизационной практики, а являются факторами общественного развития.

Традиции в структуре традиционного общества играют роль управляющей системы, функционирующей через передачу от поколения к поколению исторически сложившихся цивилизационных стереотипов поведения, включая и общественные нормы. Таким образом, управление обществом и его жизнедеятельностью осуществляется неформально через мотивацию людей, основанную на культурно-исторических нормах и традициях, т. е. посредством воздействия на сложившиеся традиционные цивилизационные стереотипы поведения.

Государственная идеология в системе традиционного общества является частью структуры производительных сил страны, а государственная идеология рас-

сматривается здесь как важнейший фактор общественного развития, являясь системой работающих принципов, на основе которых развивается все общество в целом. Именно принципы государственной идеологии превращаются в мощные факторы суверенного национального движения, а современные мировые войны основаны на использовании именно этих факторов, превращая принципы либерализма в мощное информационное оружие.

Политика, как и государственная идеология, сама по себе также не производит непосредственно товары и меновые стоимости. Однако она, как подчеркивал немецкий экономист Фридрих Лист, отвечая своим критикам в работе «Национальная система политической экономии» (1841 г.), политика производит нечто большее – производительные силы страны или же разрушает их, тормозя национально-экономическое развитие.

Таким образом, производительные силы страны формируются политическим законами, а социально-экономическая политика, является механизмом реализации принципов государственной идеологии, которые, в свою очередь, опираются на фундаментальные социокультурные ценности, лежащие в основе развития данного общества и всей данной цивилизации. Гуманитарные науки и общественные теории являются частью духовного производства, на теоретической основе которого формируются соответствующие социально-политические доктрины и принципы государственной идеологии.

Способ производства – это формационная категория, отражающая динамику чисто экономического развития, а способ жизнедеятельности – это уже цивилизационная категория. Способ жизнедеятельности данного народа является способом его бытия в самых разных сферах общества, включая и способ хозяйствования.

Хозяйство является способом социально-экономической жизнедеятельности, выходящей за узкие рамки чисто рыночной экономики, основанной на логике прибыли и самоокупаемости. Хозяйство – это способ самой жизни человека, способ его цивилизационного бытия.

Рассматривая научное содержание типов общества, необходимо всегда помнить о существовании двух противоположных мировоззренческих систем. Теоретически они отражаются в двух противоположных философиях жизнедеятельности человека, имеющих принципиально разные подходы к организации его бытия.

В основе западной философии жизнедеятельности человека лежит философия контракта, переводящая все социальные отношения между людьми в сферу товарно-денежных отношений. Институт рынка на Западе функционирует на основе договорно-правовых отношений.

Восточная философия основана на философии общей судьбы, которая является производной от религиозно-философских взглядов, являющихся частью единого социального цивилизационного организма, называемого «обществом». Все члены и субъекты этого организма связаны между собой узами взаимозависимости, солидарности, общественного долга и служения.

Понятие «Запад» не является географическим, а родиной западной культуры и западного капитализма является Англия. Поэтому типично западной цивилизацией является англосаксонская цивилизация в лице Англии и США, агрессивно стремящаяся к унификации современного мира.

Суть исторического метода, впервые примененного немецкой исторической школой, в том, чтобы открыть конкретно-исторические законы суверенного национального развития данной страны. Только национальная история, как подчеркивал известный американский экономист Й. Шумпетер, «может сообщить нам, каково было то общество, к которому мы хотим применить теоретические схемы...» [10, с. 240].

Фридрих Лист, как основоположник исторического метода, а вслед за ним и вся немецкая историческая школа выступали за необходимость развития национальной политической экономии, предметом которой должно быть суверенное национальное развитие определенного народа, обусловленное своеобразием его исторической судьбы. Они особо подчеркивали, что у каждого народа сущ-

ствуют собственные пути цивилизационного развития, определяемые специфическими условиями развития данной нации. Исходя из такого понимания цивилизационного развития, историческая школа трактует политическую экономию как национальную науку, изучающую национальное хозяйство определенной страны или группы стран, представляющих один цивилизационный тип.

В основе исторического метода лежит принцип традиционализма, который известный русский философ С.Л. Франк охарактеризовал как «основной закон исторической жизни общества». Согласно этому закону, «общество не делается и не учреждается людьми, а творится на подобие органических существ, произрастают из прошлого».

И в силу этого закона:

- а) «человек никогда не есть самочинный и самодержавный хозяин своей жизни, а есть служитель правды Божьей»;
- б) «человек не «создает», не «делает» своей общественной жизни, а творит предначертания высшей воли, как они непосредственно вытекают из всего его исторического прошлого» [11, с. 21].

Исторический опыт как социальная память и все знания о мире передаются от поколения к поколению посредством образовательного процесса, а нравственный опыт передается через традиции и обычаи. Другими словами, «культура не наследуется генетически, она заново воспроизводится в каждом человеке. Прерывается такое воспроизведение, и культура погибает», – подчеркивал русский ученый И.Д. Афанасенко [5, с. 97]. Из этого следует, что, общество сохраняет себя как культурно-исторический тип, если каждое новое поколение усваивает (наследует) весь накопленный предшествующими поколениями опыт социальной жизнедеятельности.

Экономист Л.Е. Ефанов отмечал, что «в экономике, как и в языкоznании и этнографии, действует железный принцип диахронии, который гласит: чем полнее та или иная хозяйственная система вбирает в себя все ценное из собственного исторического прошлого, чем сильнее она коренится в своей национальной куль-

турной традиции, тем выше ее эффективность и разительнее социально-экономические достижения [12, с. 672]. И наоборот: «отрицание национальных традиций и сложившихся хозяйственных структур и общественных отношений, беспощадный разрыв с историческим прошлым неизбежно ослабляют устойчивость экономической системы, лишают ее динамизма, гибкости, стимулов саморазвития, отбрасывают на обочину истории».

Данный принцип объясняет, почему постсоветская Россия, разорвавшая связь со своим историческим прошлым, став на путь заимствования западных принципов и ценностей бытия, потеряла устойчивость, гибкость и динамизм национально-экономического развития. Западные общественные теории являются неадекватными для восточного общества в целом. Попытки выстраивать модель суверенного национального развития России, беря за основу западный методологический принцип индивидуализма, способны произвести только одно – прозападную модель общественного развития.

Геополитика принципиально важна своим методом для политico-экономического исследования. Она ставит развитие формации как способов производства и цивилизации как способов жизнедеятельности в зависимость от национальных факторов:

- этнических;
- природно-климатических;
- территориальных, пространственных.

По геополитическим признакам цивилизации также делятся на две группы:

- морские или островные;
- сухопутные или континентальные.

Логика противостояния между Западом и Востоком имеет не только философско-религиозное, т.е. мировоззренческое, но и геополитическое основание. Более того, геополитическая противоположность Моря и Суши в значительной степени обусловила и их мировоззренческую противоположность.

А. Дугин пишет: «Геополитики заметили, что морские цивилизации, культуры, основанные на мореплавании, чаще всего имеют рыночную экономическую систему и тяготеют к либерал-демократическому укладу в политике. Сухопутные державы, напротив, отдают предпочтение нерыночной (плановой или частично плановой) экономике и ограниченной демократии, или вообще иерархическому устройству общества. Это – первый закон геополитики – закон «двойственности цивилизаций», объективного противостояния Суши и Моря, евразийства и атлантизма, торгового строя и неторгового строя, Востока и Запада» [13, с. 729, 734].

Геополитический подход к общественному развитию неразрывно связывает анализ экономики любой данной страны прежде всего с анализом всей совокупности внутренних факторов – исторических, культурных, религиозных, социальных, этнических и др. Однако главное отличие геополитического подхода от цивилизационного в том, что геополитика, подчеркивает А. Дугин, «связывает экономику с пространством, с географией», исследуя влияние пространства на развитие цивилизаций. В рамках этого подхода экономическая модель данной страны изначально является национальной моделью, основанной на специфике исторического пространства данного государства. А экономика при этом выступает уже как «геоэкономика».

В основе геоэкономики лежит следующий принцип: «конкретное историческое место применения экономических моделей на практике влияет на всю экономическую систему, подстраивая ее под уникальную цивилизационную среду. Таким образом, в любые экономические модели вносятся существенные поправки, делающие каждый конкретный случай существования экономической системы уникальным и особым» [13, с.784].

Геополитический подход позволяет выделить в современной экономической теории два направления, основанных на противостоящих друг другу ценностей и целей развития:

– либерально-космополитическую экономию, основателем которой является А. Смит и его школа;

– национальную экономию, которая берет свое начало с работы Ф. Листа «Национальная система политической экономии» (1841 г.).

Эти два направления заметны и в научном поле современной России. Космополитическая экономия представлена либеральными экономическими курсами – экономиксом. Однако развивается и своя национальная экономия. Её представители убеждены в том, что современная российская экономическая теория должна быть теорией суверенного национального развития, модель которой должна отражать опыт цивилизационного бытия России, ее исторические традиции и общенациональные ценности.

Планетарная geopolитическая напряженность между Сушей и Морем, между Западом и Востоком превратила либерализм в мощную по своей агрессивности политико-экономическую доктрину. Англия впервые в мире применила тактику тайной, необъявленной войны, основным оружием которого стал международный терроризм, а его ударной силой – пираты и корсары. Но не будем забывать, что идеологической основой этой войны стал либерализм, с его крайне враждебным отношением к любому государству. Либеральная доктрина исторически превратилась в подрывную доктрину, принципы которой направлены на экспансию, на захват собственности, чужих ресурсов и территорий, на разрушение государственных устоев.

Все дело в принципиальной несовместимости двух противоположных типов мировоззрения и способов бытия:

– морского способа бытия, основанного на либеральных ценностях, имеющих антиобщественный и антигосударственный характер. Англия устояла и уцелела лишь благодаря тому, что направила эту антиобщественную подрывную энергию на экспансию, на захват чужих территорий и колониальную политику, на ограбление народов континентальных стран;

– сухопутного способа бытия, основанного на консервативных ценностях, на защите национальных устоев и традиций. Энергия людей в данном случае направлена прежде всего на внутреннее обустройство своего континентального пространства, на «домостроительство».

Речь идет о противостоянии либерализма и традиционализма. Континентальное общество не может развиваться на принципах, противоположных его сути, перенимая принципы морского способа бытия, основанного на либеральных ценностях, традиционное общество начинает разрушаться. Германия, например, чтобы устоять перед экспансией островной Англии, уже в начале XIX века стала защищать свои рынки и свою отечественную промышленность с помощью политики протекционизма. Спор между Англией и Германией по вопросам экономической политики выходил далеко за рамки спора сторонников свободной торговли и протекционизма. По сути, это было столкновение двух противоположных типов цивилизаций – морской и сухопутной. Германия тогда противопоставила Англии свою идеологическую систему, свою модель общественного развития.

В основе этой модели лежала идеология консерватизма, выступавшая в защиту национальных ценностей. Отвергая модель капитализма, Германия противопоставив ей модель «государственного социализма», основы которой сформировали Ф. Лист и другие представители немецкой исторической школы, восставшей против классической политэкономии А. Смита. В 1872 году в Германии правительством был инициирован конгресс, собравший экономистов, юристов и служащих государственного аппарата. На конгрессе также был учрежден «Союз социальной политики», задачей которого стала пропаганда идей государственного социализма и борьба против либерализма. Его участники приняли манифест, объявлявший идейную войну «манчестерской школе» Смита. Манифест объявлял государство «важнейшим моральным институтом воспитания человека». Экономическая политика О. Бисмарка (1815–1898) была основана на идеях государственного социализма [14, с. 145, 165–167].

Геополитический подход к анализу общественного развития важен не только и не столько тем, что разделяет современные цивилизации на морские и сухопутные. Он позволяет увидеть два противоположных мироустройства, две противоположные формы цивилизационной организации общества, две противоположные системы жизненных ценностей.

О. Шпенглер очень верно подметил главное, принципиальное различие между Англией и Германией, между английским и прусским типами, как «различие между народом, который развивался, чувствуя себя островитянином и другим народом, который вынужден был беспрестанно охранять свою территорию, лишенную естественных границ и со всех сторон открытую для врагов. В Англии остров заменил собой государственную организацию. Страна без государственной организации была возможна лишь при этом условии». Подчеркивая далее, что именно «Англия на место государства поставила понятие свободного частного лица», настроенного крайне враждебно по отношению к государству и порядку, он характеризует Германию с противоположной стороны: «Не «Я», но «Мы», коллективное чувство, в котором каждое отдельное лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице, она должна жертвовать собой целиком, не каждый стоит за себя, а все за всех, с той внутренней свободой в высшем смысле – … свободой повиновения, которая всегда отличала лучших представителей прусского воспитания». Шпенглер продолжает: «Глубокое значение может иметь в Германии только социализм в том или ином понимании. Либерализм – удел простаков. Он болтает о том, чего не может дать… Каждый за себя – это по-английски; все за всех – это по-prusски. Либерализм же означает: государство само по себе и каждый сам по себе. Это формула, по которой жить невозможно» [15, с. 52–56].

Почему Манифест О. Бисмарка объявлял государство «важнейшим моральным институтом воспитания человека»?

Почему участники знаменитого в Германии конгресса (1872 г.), собравшего экономистов, юристов и служащих государственного аппарата страны, единодушно приняли манифест, объявлявший идейную войну «манчестерской школе»?

Ответ на эти и другие подобные вопросы связан с проблемой обеспечения национальной безопасности и защиты континентального пространства, унасле-

дованного от своих предков в форме государства-нации. А защитить это национальное пространство может только армия и народ, имеющие высокий моральный дух, связанные единой патриотической нитью.

Каким же образом геополитика влияет на информационное и цивилизационное развитие?

Модель суверенного национального развития определяется не только цивилизационными факторами. Так, например, цивилизационный подход к анализу информационной категории «западный капитализм» не позволяет увидеть принципиальных различий между англо-американским вариантом западного капитализма, с одной стороны, и его национальными моделями, существующими в континентальной части Западной Европы, с другой. Западная цивилизация, западный капитализм и само понятие «Запад» сущностно воспринимаются как единые, противостоящие Востоку и его культуре. Принципиальное различие проводится лишь между западным и восточным капитализмом.

Принципиальные различия имеются и внутри самого западного капитализма, за внешним единством которого скрываются две разные и противоположные модели, обнаружить которые можно только с помощью геополитического метода:

- островная модель – модель англо-американского капитализма, основанная на принципах либеральной доктрины;
- континентальная модель – социал-демократическая модель капитализма, тяготеющая к различным вариантам «буржуазного социализма».

Геополитический метод принципиально важен тем, что помогает проанализировать как внутриинформационные, так и внутрицивилизационные особенности и различия. И в этом смысле его можно характеризовать, как интегрирующий метод анализа, дающий реальную историческую картину цивилизационного движения данного общества.

Отечественные либералы-западники предлагают России равняться во всем на Запад, используя в качестве национальной модели американскую модель «от-

крытой экономики» и «свободного рынка». Но кроме американской модели, существует ещё и континентальная модель капитализма, а также модель восточного капитализма. К этому следует добавить, что модель «открытой экономики» является идеологическим мифом – Англия и США длительное время развивались, окружив себя протекционистскими барьерами. Известные американские ученые-экономисты Джексон Грейсон младший и Карла О’Делл пишут: «США окружили себя мощными протекционистскими барьерами. США на протяжении почти трех четвертей периода своего существования были протекционистской страной с высокими таможенными тарифами. Единственными периодами относительно низких протекционистских барьеров было время накануне Гражданской войны и после каждой из мировых войн» [16, с. 115].

В этом контексте нас интересует вопрос: можно ли ставить на одну плоскость экономику США и Россию, требуя от российской экономической системы хозяйства такой же степени открытости, которая существует в США и других западных стран?

Другими словами, какой тип хозяйства соответствует цивилизационным и геополитическим особенностям России?

Давайте для начала зададимся следующим вопросом: почему крестьяне оказали столь яростное сопротивление попыткам П.А. Столыпина распустить общину?

Община для России была закономерностью, которая сформировалась под воздействием социокультурных и геополитических факторов, обусловливающих очень высокий уровень энергетических и транспортных затрат в цене готовой продукции и являющихся неустранимыми в рамках сегодняшних технологий:

- суровый климат;
- большая протяженность территории;
- геополитические угрозы и вызовы.

В среднем по России выход растительной биомассы с 1 гектара в 2 раза лишним раза ниже, чем в Западной Европе и почти в 5 раз ниже, чем в США. Сегодня

лишь 5% сельскохозяйственных угодий в России имеют биологическую продуктивность на уровне средней по США. Если в Ирландии и Англии скот пасется практически круглый год, то в России период стойлового содержания 180–212 дней [17, с. 239]. Тяжелые климатические условия часто негативно сказывались на урожайности и на продуктивности сельского хозяйства, что обусловливало взаимозависимость и взаимовыручку крестьян, которая всегда существовала в общине.

Чтобы протопить всю зиму крестьянскую избу, надо затратить средства, эквивалентные двум месяцам труда – это, как минимум. Ведь надо заготовить деревья в лесу, привести, напилить, нарубить, сложить, и не сколько-нибудь, а кубов десять-девадцать – это уже в дровах, значит, переработать леса надо еще больше [17, с. 239].

А если сгорят дрова у крестьянина?

А если не только дрова, но и дом?

В общине он выживет, и через несколько дней вся его семья переселится в новый дом, построенный «всем миром».

А как быть в условиях индивидуального хозяйства?

Да такой крестьянин и вся его семья неминуемо погибнут – просто замерзнут.

Таким образом, geopolитические факторы диктуют России закрытую модель национального хозяйства – суровый климат, огромная территория, большая протяженность границ, особенности северного ландшафта – все это неустранимые факторы. Их подробно рассмотрел А.П. Паршев в своей известной книге, ставшей уже бестселлером «Почему Россия не Америка» [18]. Этой же проблеме посвящена книга С. Валянского и Д. Калюжного «Понять Россию умом» [17].

Отечественные либералы, как и все другие люди с искаженным сознанием, обычно строят свои умозаключения на основе формальной логики: если севернее, то значит холоднее. А.П. Паршев подчеркивает: «Климатические пояса в Европе расположены парадоксально. Климат становится более холодным не с юга на север, а с запада на восток, а иногда даже наоборот – с севера на юг, а точнее,

с побережий вглубь континента. Обратите внимание: в Ленинграде теплее, чем в Москве, а ведь он километров на 400 севернее. А в Хельсинки зимой теплее, чем в Орле, хотя Хельсинки на 1000 км севернее. Под Вильнюсом в июне спешает черешня, а в Московской области – нет, потому что вымерзает зимой. Широта почти та же, но Вильнюс на 1000 км западнее. В Латвии бедняки отказываются от отопления и горячей воды (из-за дороговизны). Холодно, конечно, но пока выживают. Попробуй хотя бы в Курске на зиму отопление отключить! А ведь Латвия существенно севернее». «Западная Европа, по нашим понятиям, – субтропики. Причина известна... – Гольфстрим. Благодаря ему, зима в Европе выше нуля, а весна начинается в январе-феврале, и почти всегда в одно и то же время. А у нас весна может наступить и в конце марта, и на месяц позже. Почему? Если нет с запада вторжений теплого воздуха, то прогрев идет только за счет излучения солнца. Оказывается, в этом случае в Подмосковье снег сходит в конце апреля, а если ветер с запада – то в начале» [18, с.40].

Российские либералы любят ссылаться на Канаду, приводя ее в качестве примера для России. И действительно, Канада, вроде бы, тоже северная страна, однако почти 90% ее населения проживают в районе Великих озер, расположенных на границе США и Канады. «Климат обитаемой, индустриально развитой части Канады примерно соответствует климату Ростовской области и Краснодарского края, но он более влажный. Этой обитаемой части вполне достаточно для населения Канады – 24 млн человек. Остальная территория – только добыча сырья и туризм. Собственно, именно такой страной и хотело бы видеть Россию «мировое сообщество», – пишет А.П. Паршев, подчеркивая, что на «широте Москвы в Канаде расположены только поселки с «говорящими» названиями, вроде Ураниум-Сити или Радий-Порт» [18, с. 44–45].

Какой же вывод следует из всего вышеприведенного?

«Из двухсот стран мира по суровости климата с нами может сравниться только Монголия. В Улан-Баторе в среднем холоднее, чем на прибрежных научных станциях Антарктиды. В Западной Европе кратковременное похолодание до

каких-нибудь минус 10 градусов по Цельсию (раз в 20 лет) вызывает полную дезорганизацию хозяйственной жизни. А в центре России минус 10 градусов по Цельсию – это средняя температура января, то есть совершенно обычное дело... Климат России суровей, чем в любой индустриальной стране мира, и это влияет на эффективность любого производства, если определять эффективность по критерию издержки/выгоды» [18, с. 48, 51].

Не будем забывать, что северная граница США проходит по 30 параллели. Это южнее Киева, а южная граница США располагается уже в тропиках на широте таких городов как Тегеран и Александрия. Две трети нашей территории находятся за 60 параллелью, почти половина страны в районе вечной мерзлоты. Из 12 миллионов людей, проживающих в Приполярье и Заполярье, более 11 миллионов живут в России [17, с. 191]. В Америке предприятия ставятся на асфальт, а у нас на прочный и дорогой фундамент, который только в средней полосе роется на глубину 170 см.

А.П. Паршев подчеркивает: «В зависимости от вида строительства его стоимость выше, чем в Западной Европе, в 2–3 раза. По сравнению с субтропиками – в несколько раз. Соответственно выше и амортизационные выплаты, а здания менее долговечны. Построить здание или арендовать уже построенное в России существенно дороже, чем в других странах мира» [18, с. 56–57].

А.П. Паршев констатирует: «У нас на юго-западной границе России глубина промерзания 110 см, а ближе к Поволжью – уже 170. Стоимость даже простого фундамента под легкий садовый домик составляет у нас 30% от общей стоимости строительства... В Баварии двухэтажные здания строятся на твердом грунте – вообще без фундамента, а «в английском руководстве по индивидуальному строительству приведены разрезы типичных особняков – там без фундаментов строятся и трехэтажные здания». «А сколько стоят инженерные коммуникации? В Англии водопровод и канализация идут практически по поверхности земли, а у нас?.. Согласно СНИПам («Строительные нормы и правила»), «трубы должны идти не мельче глубины промерзания, даже газовые, чтобы не выперло на поверхность. Естественно, зимой любые строительные работы трудны и дороги. Те

же канавы обходятся минимум в три раза дороже... Для западноевропейцев эти проблемы непонятны» [18, с. 54].

В Англии достаточна толщина стены в 1 кирпич (английский кирпич – 20 см). Там стены выполняют только несущую функцию. А вот в средней полосе России нужно минимум 3,5 кирпича (90 см). Под массивную стену нужен и более прочный, а значит, и дорогой фундамент. Наш одноэтажный кирпичный дом весит как английский трехэтажный [18, с. 55].

«Для средней полосы России доля отопления в объеме общих энергозатрат промышленности составляет три четверти» [18, с. 70].

Удельный расход энергии на отопление 1 кв. м площади жилых зданий в США – 55 кВтч, в Швеции и Финляндии 135 кВтч, в Германии 260 кВтч, в России – 418 кВтч. Это в 7,6 раза больше чем в Америке и в 3 раза чем в Финляндии, с которой наши либералы очень любят сравнивать Россию, когда заходит разговор о нашем суровом климате [17, с. 8].

В Москве на отопление одного жителя расходуется в год 4 тонны условного топлива, что в мировых ценах мазута равнозначно расходам не менее 2000 долларов на семью из 4 человек – годовая зарплата всей семьи из «третьего мира». Стоимость жилья и коммунальных услуг в нашей стране чрезвычайно высока по мировым меркам. Простое выживание в наших условиях стоит дорого, поэтому, хотим мы или не хотим, но мы вынуждены расходовать довольно много энергии [18, с. 92; 17, с. 8].

Международное энергетическое агентство рассчитало энергоемкость ВВП разных стран по принципу – сколько тратится тонн нефтяного эквивалента (тнэ) на производство ВВП на 1 тысячу долларов. Так для России этот показатель составил 1,1 тнэ / \$ 1000. А вот в Канаде уровень энергоемкости – 0,39 тнэ / \$ 1000 ВВП [17, с. 337].

Из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта в России составляли 50% [17, с. 239]. Основные причины повышенной энергоемкости – большие затраты на транспорт, холодный климат и высокая доля добывающих отраслей и тяжелого машиностроения. По

оценкам экспертов, за счет этих факторов энергоемкость российского ВВП выше по сравнению с развитыми странами на 30–40%. В России промышленность расположена в основном севернее, и средний радиус перевозок энергоресурсов превышает 1000–1500 км; нефте- и газопроводы длиной 2000–2500 км идут из Западной Сибири в Европейскую часть, кузнецкий и канского-ачинский уголь перевозится в Центр на расстояние 4 тыс. км» [17, с. 338].

Из всего вышеперечисленного следует основной вывод о принципиальной несовместимости нашей экономической модели с мировым рынком. А.П. Паршев верно актуализирует проблему: «Наш народ и мировой рынок промышленного капитала – несовместимы...» [18, с.102–103].

Закономерности геополитического развития, касаются не только России, а, в принципе, всех стран, объединённых хозяйственными связями в общее интеграционное пространство, логика которого неизбежно будет направлять национально-экономическую динамику каждой страны в общее русло, именуемое привычным для всех нас понятием «народнохозяйственный комплекс».

Анализ истории либеральных реформ в нашей стране позволяет сделать вывод о том, что Россия всегда погружалась в цивилизационный кризис, когда открывала свою экономику мировому рынку. Из этого следует, подчеркивает А.П. Паршев, что «для создания жизнеспособного государства на российской территории нужно лишь одно: внутренний российский рынок должен быть изолирован от мирового» [18, с. 311]. Заслуга автора в том, что он первый привлек внимание нашей общественности к тому, что либеральные реформаторы «исходили из неверной предпосылки, что неэффективность нашей экономики происходит из-за плохого управления. Конечно, это тоже фактор, с которым надо бороться, но к неэффективности из-за большого расхода энергоресурсов и длинного транспортного плеча он не имеет отношения, – пишет А.П. Паршев, – это совершенно независимая задача» [18, с. 276–277]. И это понятно – национальная конкурентоспособность на мировых рынках будет совершенно разная в теплых странах и в нашей чрезвычайно холодной стране [18, с. 165].

Если в теплых странах завод ставится на асфальт, а в нашей холодной стране фундамент почти два метра в глубину, тогда начальные капиталовложения, включая прокладку труб и коммуникаций – канализации, отопления, водопровода, возрастут почти на 50% по сравнению с затратами на производство аналогичной продукции в теплой стране.

Но к этим затратам надо еще добавить расходы на отопление. Для средней полосы России доля отопления в объеме общих энергозатрат промышленности составляет три четверти, а энергоемкость российского ВВП выше по сравнению с развитыми странами на 30–40%.

В небольших странах средний радиус перевозок энергоресурсов не превышает 500 км, а у нас всегда превышает 1000–1500 км. Из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта в России составляли 50%.

Если в Ирландии и Англии скот пасется практически круглый год, то в России период стойлового содержания 180–212 дней. Если в Аргентине, где крупный рогатый скот также не нуждается в заготовленных кормах и круглый год обходится без стойлового содержания, себестоимость килограмма говядины – 5 центов, то в России, для сравнения, наша буренка съедает за полугодовую зиму 3 тонны сена, которое крестьянину нужно накосить и сохранить.

Почти половина территории России находится в условиях, близких к арктическим. А если считать приполярные территории, то в целом около 65% всей территории стран относится в Северу, отличаясь тяжелым климатом, отсутствием дорог и сложными условиями для жилищного и капитального строительства. Очевидно, что Россия сможет уцелеть как конкурентоспособное государство только развиваясь на принципах домостроительства – разумно закрываясь от мировой экономики.

Эти принципы рассматривают наше хозяйство как огромный «национальный дом», примером которого является Россия и, в частности, СССР, в котором нашли себе приют все многонациональные народы царской России – свыше

150 народностей, то есть этносов и субэтносов, образовав суперэтническую северо-восточную нацию.

Геополитический подход, оперирующий категориями пространство, протяженность территории, ландшафт, природно-климатические условия, является эффективным и необходимым методом анализа структуры суверенного национального народного хозяйства.

Проблема анализа общественного развития связана, прежде всего, с выбором методологии как системы научных принципов, а также соответствующей системы категорий. Либерализм эту проблему не решает, т.к. не является теорией суверенного национального развития. Как военно-политическая доктрина, нацеленной на достижение мирового господства, либерализм стремится к унификации всего мира на основе западной цивилизационной системы.

Марксизм, делая шаг вперед по сравнению с явным мракобесием либерализма, также основан на идее об унификации всего мира, но уже на основе социалистической экономической системы. Марксизм является зеркальным отражением либерализма также и в том смысле, что рассматривает общество в целом как социально-экономическую формацию. Поэтому за рамками научного анализа остаются история, традиции и культура. Формационный подход к проблемам общественного развития не способен отразить адекватно окружающий нас мир, развивающийся в многообразии. Этот подход дает искаженную картину исторического движения общества.

Традиционный тип общества, к которому относится Россия, не является узоклассовым. Классовым является буржуазное общество, а традиционное общество является многослойным, развиваясь вертикально в процессе взаимодействия всех исторических укладов, способов производства, способов хозяйствования и жизнедеятельности. Такое общество является многоукладным. Дать его анализ и раскрыть закономерности движения можно только на основе комплексного, системного подхода.

Взаимодействие способа производства и способа жизнедеятельности, формации и цивилизации подчиняется общесоциологическому «закону цивилизационно-информационного соответствия» [19, с. 84]. Реальное движение общества создаетсяialectическим взаимодействием его трех структурных элементов:

- формации – способа производства,
- цивилизации – способа жизнедеятельности,
- культуры – способа духовного бытия.

При этом именно культура выступает в качестве базиса, в качестве общенационального цивилизационного фундамента, на котором выстраиваются не только информационные структуры – уклады, способы производства, но и цивилизационные структуры – способы жизнедеятельности, формы общенационального бытия.

Цивилизационно-информационное развитие происходит в рамках исторически сложившегося геополитического пространства. Культура – это духовный базис, а geopolitika – это территориально-пространственный фундамент, формирующий этносы и питающий их своей ландшафтной энергией. Культурно-исторические традиции любого народа дополняются этнической историей, традициями, и соответствующими цивилизационными стереотипами поведения. В результате формируется реальная динамика цивилизационного процесса, опирающаяся на этническую, формационно-цивилизационную и geopolитическую динамику общественного развития.

Список литературы

1. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая) / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – 528 с.
2. Ланьков А.Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина / А.Н. Ланьков // Восток. – 1996. – №1.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н.Я. Данилевский. – М.: Эксмо, 2003. – 640 с.

4. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер; вступит, ст. и комм. д. ф. н., проф. Г. В. Драча. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 640 с. EDN ZKRQLF
5. Фукуяма Ф.В. Великий разрыв / Ф.В. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 474 с.
6. Валлерстайн Эммануэль. После либерализма / Э. Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 256 с.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – СПб.: Кристалл, 2001. – 639 с.
8. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методол. анализ / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
9. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России / И.Д. Афанасенко. – СПб.: Третье тысячелетие, 2001. – 414 с. EDN TUJVAZ
10. Экономическая теория в XXI веке – 2 (9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. – В 2 т. Т. 1. – М.: Экономистъ, 2004. – 576 с.
11. Франк С. Религиозные основы общественности / С. Франк // Путь: Орган рус. религ. мысли. – Полн. репринт. переизд. филос.-религ. журн., печатавшегося в Париже с 1925 по 1940 г. под ред. Н.А. Бердяева. – Кн. 1: 1–6. – М.: Информ-прогресс, 1992. – 752 с.
12. Ефанов Л.Е. О новой парадигме экономической науки и национальном пути хозяйственного развития России / Л.Е. Ефанов // Экономическая теория в XXI веке – 2 (9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. – В 2 т. Т. 1. – М.: Экономистъ, 2004. – 576 с.
13. Дugin A. Основы geopolitики: geopolitическое будущее России; мыслить пространством / A. Дугин. – 4-е изд. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 924 с.
14. Агапова И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия / И.И. Агапова. – М.: Юристь, 2002. – 190 с.
15. Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Освальд Шпенглер; пер. с нем.; послесл. А. Руткевича. – М.: Практис, 2002. – 227 с.

-
16. Грейсон Д.К. Американский менеджмент на пороге XXI века / Джексон Грейсон мл., Карла О'Делл; пер. с англ.; предисл. Б.З. Мильнера. – М.: Экономика, 1991. – 319 с.
 17. Валянский С.И. Понять Россию умом / С.И. Валянский, Д. Калужный. – М.: Алгоритм, 2001. – 475 с.
 18. Паршев А.П. Почему Россия не Америка / А.П. Паршев. – М.: Родина, 2021. – 352 с.
 19. Козин Н.Г. Постижение России: опыт историософского анализа / Н.Г. Козин. – М.: Алгоритм, 2002. – 653 с.
-

Данильченко Сергей Леонидович – почетный работник воспитания и пропаганды Российской Федерации, академик РАЕ, академик РАН, академик РАМТН, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой Институт общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Россия.
